

УДК 902:94(47).031

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.318.333>

ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО СОЛХАТА: ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

©2024 г. Д.Э. Сейдалиева

В статье представлены результаты анализа керамического материала, как исторического источника. В связи с тем, что керамика несет в себе значительную долю информации по хронологии, определению характера ремесленного производства и уровня развития техники и технологий, внешним и внутренним экономическим и этнокультурным связям, идеологическим представлениям, представлены основные выводы по этим аспектам развития золотоордынского Солхата. Керамический комплекс Солхата может выступать своеобразным хроноиндикатором как для ряда городских объектов, так и для комплексов других памятников, где такие керамические изделия могут быть обнаружены. Выделяются хронологические этапы производства и бытования керамических изделий Солхата. Во второй половине XIII в. в комплексах присутствует импортная византийская керамика, в подражание которой на одном из ремесленных комплексов начинается изготовление собственной посуды уже в начале XIV в. В XIV в. доля византийской керамики сокращается, что, вероятно, связано с уменьшением роли Константинополя в международной торговле. Она заменяется в основном продукцией местных центров, продукцией юго-западного Крыма, ремесленных мастерских Поволжья и Ирана, испанской керамикой. В то же время сохраняется селадон и некоторое количество фрагментов сосудов с монограммами, которые исследователи относят к производственным центрам Кафы, Сугдеи или Чембалы и датируют серединой XIV в. – 1475 г. В связи с расширением городской черты ликвидируются старые производственные центры («Караван-сарай») и создаются новые («Бокаташ»). С переходом массового производства на территорию Бокаташа II, посуда этих мастерских также появляется на других золотоордынских памятниках. Развитие ремесленных мастерских позволяет проследить ряд хронологических этапов производства глазурованной посуды в Солхате и территории его ближайшей округи.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Солхат, Караван-сарай, Бокаташ, глазурованная керамика, гончарное производство, торгово-экономические связи

GLAZED CERAMICS OF THE GOLDEN HORDE SOLKHAT: POSSIBILITIES FOR HISTORICAL INTERPRETATIONS

D.E. Seidalieva

The article presents the results of an analysis of ceramic material as a historical source. Due to the fact that pottery bears a significant share of information on chronology, determining the nature of craft production and the level of development of techniques and technology, external and internal economic, ethnic and cultural relations, ideological views, the main conclusions on these aspects of the development of the Golden Horde Solkhat are presented. The Solkhat pottery assemblage can act as a kind of chrono-indicator both for a number of urban objects and for complexes of other monuments where such pottery can be discovered. The chronological stages of production and use of Solkhat ceramic products are distinguished. In the second half of the XIII century the complexes contain imported Byzantine pottery, in imitation of which one of the craft complexes began making its own ware already at the beginning of the XIV century. In the XIV century the share of Byzantine pottery is decreases, which is probably connected with the weakening of Constantinople's position in international trade. It is replaced mainly by products of local centers, products of the southwestern Crimea, craft workshops of the Volga region and Iran, and Spanish ceramics. At the same time, celadon and a number of fragments of vessels with monograms are preserved, which specialists attribute to the production centers of Caffa, Sugdea or Chembalo and date back to the middle of the XIV century – 1475. In connection with the expansion of the city, old production centers (“Caravanseraï”) are liquidated and new ones (“Bokatash”) are created. With the transition of mass production to the territory of Bokatash II, the ware from these workshops also appear on other Golden Horde sites. The development of craft workshops allows us to trace a number of chronological stages in the production of glazed pottery in Solkhat and the territory of its surroundings.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Solkhat, Caravanserai, Bokatash, glazed pottery, pottery production, trade and economic relations

Городище Солхат расположено в юго-восточной части Крымского полуострова, на месте современного города Старый Крым. В XIII в. город стал столицей Крымского Юрта Золотой Орды. Выгодное политико-географическое и торгово-экономическое положение обусловило быстрое превращение обычного поселения в крупный городской, административный и культурный центр региона (Крамаровский, 2012, с. 8).

Многолетние раскопки Солхатского городища и памятников его ближайшей округи позволили получить значительный объем археологического материала, большая часть которого сейчас находится в фондах ГБУ РК «Литературно-художественный музей» (г. Старый Крым) и Музея истории и археологии (г. Старый Крым), который является отделом ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия». Отдельные находки также хранятся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург), в ГБУ РК «Центральный музей Тавриды» (г. Симферополь) и в Государственном Историческом музее (г. Москва).

Фрагменты и целые экземпляры керамических изделий являются наиболее массовой категорией материала, происходящего из археологических раскопок памятников практически всех эпох. В связи с этим керамика несет в себе значительную долю информации по хронологии, определению характера ремесленного производства и уровня развития техники и технологий, внешним и внутренним экономическим и этнокультурным связям, идеологическим представлениям.

Керамический комплекс Солхата может выступать своеобразным хроноиндикатором как для ряда городских объектов, так и для комплексов других памятников, где такие керамические изделия могут быть обнаружены. Таким образом, можно выделить следующие хронологические этапы производства и бытования керамических изделий Солхата. Во второй половине XIII в. в комплексах присутствует импортная византийская керамика, в подражание которой на одном из ремесленных комплексов начинается изготовление собственной посуды уже в начале XIV в. В XIV в. доля византий-

ской керамики сокращается, что, вероятно, связано с уменьшением роли Константинополя в международной торговле. Она заменяется в основном продукцией местных центров (в том числе Кафы и Судака), продукцией юго-западного Крыма, ремесленных мастерских Поволжья и Ирана (кашин), испанской керамикой (люстр). В то же время дорогостоящая продукция дальневосточного производства сохраняется (селадон), также сохраняется некоторое количество фрагментов сосудов с монограммами, которые исследователи относят к производственным центрам Кафы, Сугдеи или Чембало и датируют серединой XIV в. – 1475 г. (Тесленко, 2018, с. 44–46; Майко, 2019, с. 301).

Местное производство также претерпевает изменения. В связи с расширением города и необходимостью строительства новых общественных сооружений (караван-сарай), развитие получает другой ремесленный центр (Бокаташ II), который функционировал уже достаточное время, но как небольшое семейное дело, продукция которого не получила широкого распространения до этого времени и снабжала в основном городской рынок. С переходом массового производства на территорию Бокаташа II, посуда этих мастерских также появляется на других золотоордынских памятниках. В связи с развитием ремесленных мастерских мы можем выделить ряд хронологических этапов производства глазурованной посуды в Солхате и территории его ближайшей округи. Эти этапы в широком понимании совпадают с периодизацией истории города, разработанной М.Г. Крамаровским на основе археологических исследований (Крамаровский, 1989), анализа архитектурных сооружений и письменных источников.

К первому периоду относятся комплексы догородского этапа, в которых нет продукции местных гончарных центров, которые в это время, по всей видимости, еще не функционировали. Тут встречаются в основном византийские сосуды, привозная кашинная (вероятно, поволжская) керамика (рис. 1: 1–8). Отметим, что комплексов этого времени изучено недостаточно, и этот аспект поднятой проблемы еще нуждается в существенном расширении археологической источниковой

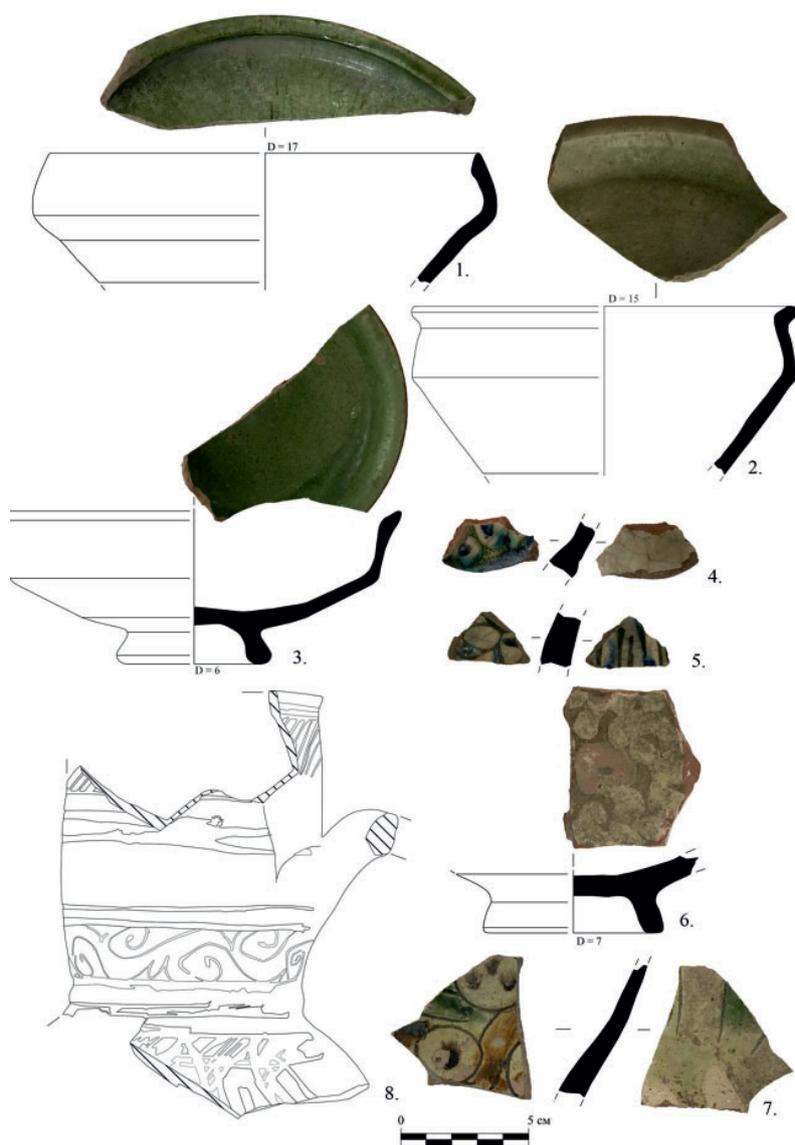

Рис. 1. Глазурованная керамика из комплексов догородского периода. Солхат. СКАЭГЭ–1984. Мавзолей перед мечетью хана Узбека. Раскоп VI. Шурф 4. Яма № 3.

Fig. 1. Glazed ceramics from complexes of the pre-urban period. Solkhat. СКАЭГЭ–1984. Mausoleum in front of the Uzbek Khan Mosque. Excavation VI. Test pit 4. Pit № 3.

базы. Но уже на втором этапе развития Солхата (конец XIII – первая половина XIV в.) в комплексах начинает появляться посуда местного производства и сосуды, производившиеся на других территориях Золотой Орды (рис. 2: 1–5; 3: 1–6). Сохраняются изделия византийских производственных центров, а также местные подражания им. Следует выделить фрагменты и археологически целые формы сосудов так называемой «зевксиповой» керамики («Zeuxippus Derivate», «Zeuxippus Influence Ware», «Zeuxippus Ware Family» и др.), кашинной посуды. Местная ремесленная традиция представлена сосудами ранне-

го бокаташского производства и высококачественной продукцией группы «Солхат/Караван-сарай» (рис. 4: 1–15; 5: 1–5; 6: 1–6). При этом отметим наличие сосудов из группы «Караван-сарай» на территории Бокаташа и наоборот, что связано, вероятно, с обменом опытом между мастерами этих производственных центров. Продукция группы «Караван-сарай» встречается на территории других памятников Солхата, в частности, такие изделия были обнаружены на территории бани в Георгиевской балке, что, в общем, достаточно точно коррелируется хронологически на этих двух объектах. Ремесленный центр на терри-

тории караван-сарая перестает функционировать в последней трети XIV в., примерно в это же время перестает функционировать баня, и на ее территории формируется жилой и хозяйственный комплекс, где продукции группы «Караван-сарай» уже нет. С конца XIII в. устойчивую конкуренцию ремесленникам центра производства на территории караван-сарая начинают составлять мастера Бокаташа II, которые представляют на городской рынок различную глазурованную посуду высокого качества. Встречаются эти сосуды на территории архитектурно-археологического комплекса медресе-мечети хана Узбека, караван-сарая, поселения Кринички II и других объектов города и округа.

В период общеордынского кризиса (60-е – 80-е гг. XIV в.) производство на ремесленных поселениях по инерции еще продолжается, но уже начинает стремиться к упадку. Вероятно, не выдержав конкуренции, закрывается ремесленная мастерская на территории караван-сарая, отчасти этому способствовало и расположение этой территории непосредственно в городской черте, в связи с чем в период временной стабильности в конце XIV в. и был тут построен караван-сарай. С 40-х гг. XIV в. мастера Бокаташа II начинают производить преимущественно кухонную неполивную посуду, сохраняя лишь небольшую долю глазурованной продукции (Крамаровский, 2008, с. 21). Но и тут в эпоху Замятни наблюдается упадок, который в конечном итоге приводит к прекращению керамического производства на территории поселения в конце XIV в. (рис. 7: 1–3).

Гончарное производство Солхатского городища и его округа можно условно разделить на несколько направлений по характеру и уровню развития. В золотоордынский период изготовление глазурованной посуды было массовым и рассчитано прежде всего на городское население. О местном производстве в Солхате свидетельствуют гончарные печи, полуфабрикаты, бракованные изделия и т.д. Производство глазурованной керамики в Крымском Юрте Золотой Орды достигло высокого уровня развития. Поливная посуда конца XIII – начала XV вв. – времени наивысшего хозяйственного расцвета и политического могущества Солхата – характеризуется высоким уровнем выработки и большим разнообразием типов и форм. Она представля-

ла собой один из ярких компонентов материальной культуры Золотой Орды. Об этом говорят разнообразные и иногда неповторимые группы изделий поливной посуды. Солхатские мастера хорошо владели ремеслом, о чем можно судить по разнообразной композиции орнаментики, совокупности цветовой гаммы. Преобладала монохромная зеленая, чуть реже коричневая глазурь, также имеются находки, покрытые полихромной глазурью. Вначале, а на ряде объектов и впоследствии, производство керамики, вероятно, носило домашний или приусадебный характер. Так, например, на поселении Кринички II, в соответствии с рядом археологических находок, могли функционировать приусадебные мастерские различной специализации, призванные обеспечивать проживавшую тут семью. Гончарных печей и отходов керамического производства тут до настоящего времени не выявлено, но обнаружено незначительное количество полуфабрикатов (рис. 8: 1–4) (Крамаровский, 2012, с. 178). Такая же ситуация наблюдается и на территории других объектов Солхата, например, на территории комплекса медресе-мечети хана Узбека (рис. 8: 5–10). Гончарные производственные центры на территории караван-сарая и поселения Бокаташ II призваны были обеспечивать прежде всего городской рынок. Продукция этих мастерских в изобилии встречается на всех объектах города и округа. В то же время изделия солхатских мастеров встречаются на других памятниках золотоордынского времени как на территории полуострова, так и за его пределами. Отдельные находки встречаются на Тепсене, в Алуште и Судакe, вероятно, также в Херсонесе. А среди комплексов Азака доля крымской керамики составляет не менее 20–30% (Тесленко, 2018, с. 25, 44–46). Вероятно, встречается солхатская керамика и на других памятниках, значительно удаленных от места производства, например в Белграде (Кравченко, 1986, с. 78–79) и Торговицах (Козырь, Боровик, 2017, с. 335–352), а также на территории памятников Руси, в том числе и в северо-восточных регионах, где факт наличия восточной глазурованной посуды связывается с ордынской администрацией (Коваль, 2010, с. 194). Исследователи также отмечают, что на протяжении конца XIII – первой трети XIV вв. среди всего крымского керамического импорта, в том числе и в Поволжье, доми-

Рис. 2. Глазурованная керамика из комплексов второго этапа развития города. Солхат. СКАЭГЭ–2013. Медресе-мечеть хана Узбека. Раскоп 39. 1–2,5 – Предпортальная площадь. Квадрат А1-А2. Заполнение канала водовода. 3–4 – Шурф 1/13. Яма.

Fig. 2. Glazed pottery from complexes of the second stage of city development. Solkhat. СКАЭГЭ–2013. Madrasah-Mosque of Uzbek Khan. Excavation 39. 1–2.5 – Preportal area. Grid A1-A2. Infill of the water main channel. 3–4 – Test pit 1/13. Pit.

нирующей была доля изделий солхатского производства, которая с 1330–1340 гг. уступает первенство керамике, производимой в Кафе (Тесленко, 2018, с. 69). Ряд изделий в Болгаре также относится исследователями к продукции крымских центров, хоть и не бесспорно. Речь идет о красноглиняной керамике (прежде всего чашах, например, сосуд на кольцевом поддоне и с фестончатым краем), покрытой ангобом и прозрачной желтоватой глазурью. По краю с внутренней стороны нанесена светло-зеленая полоса, характер ее нанесения небрежен, что может также свидетельствовать

в пользу крымской версии происхождения. В центральной части дна чаши рисунок, выполненный в технике «резерва». В то же время исследователи допускают херсонесское происхождение сосудов с таким орнаментом. К восточно-крымским мастерским относится фрагмент чаши с нанесенным по краю орнаментом толстой и тонкой линией гравировки в виде сельджукской цепи под желтой глазурью и фрагмент дна с плетенкой в центре, выполненной также гравировкой, под зеленой глазурью. Наличие в Солхате подобных сосудов может косвенно свидетельствовать в пользу

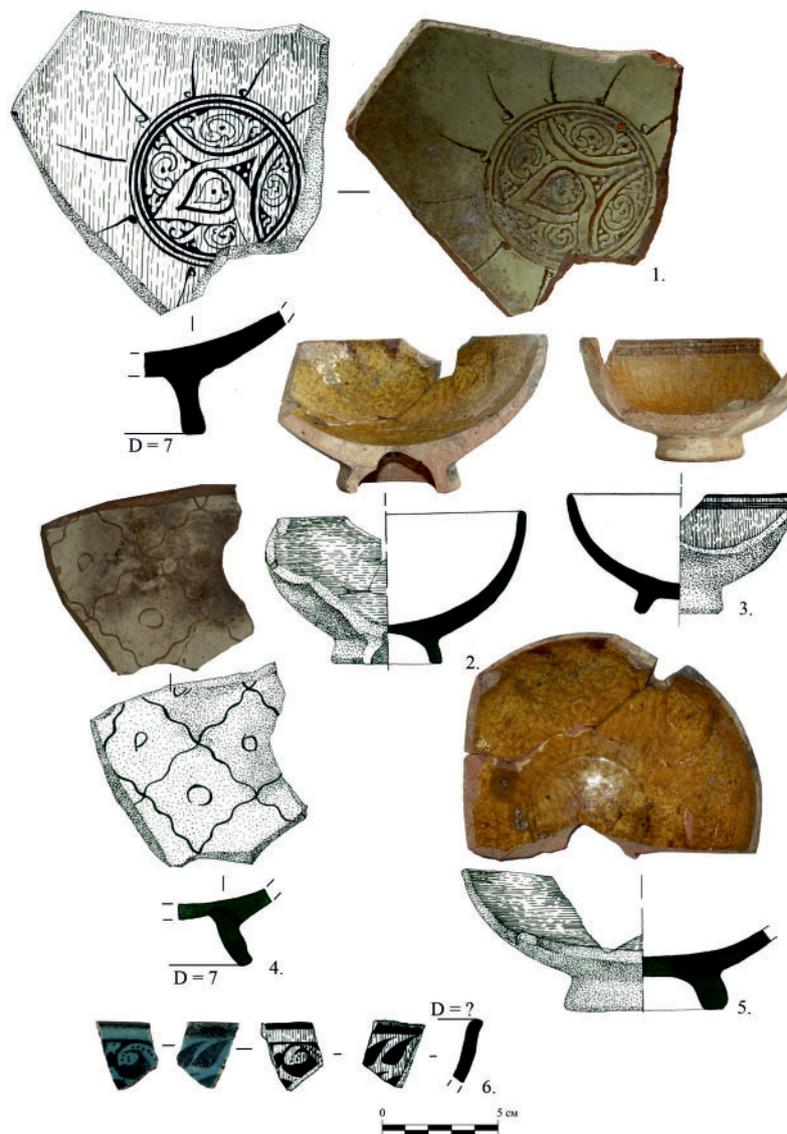

Рис. 3. Глазурованная керамика из комплексов второго этапа развития города. Солхат. СКАЭГЭ–2013. Медресе-мечеть хана Узбека. Раскоп 39. Шурф 1/13. Яма.

Fig. 3. Glazed pottery from complexes of the second stage of city development. Solkhat. СКАЭГЭ–2013. Madrasah-Mosque of Uzbek Khan. Excavation 39. Test pit 1/13. Pit.

этой гипотезы. Особый интерес представляет также упомянутый ранее фрагмент горла кувшина с подзором (воротничком у основания горла), в котором прорезаны треугольные отверстия (рис. 8: 11–14). Подобный фрагмент найден и в Москве в слое XIV–XV в. В.Ю. Коваль относит такие кувшины к азербайджанскому импорту, И.В. Волков и М.Г. Крамаровский отмечают производство кувшинов с подзором в Солхате. Характер керамического теста Болгарской находки позволяет исследователям отнести его к восточно-крымскому импорту. М.Д. Полубояринова отмечает, что среди импортной глиняной глазурованной посуды в Болгаре чаще всего встречается

продукция именно Крыма, через полуостров же поступала в Поволжье византийская керамика (Полубояринова, 2008, с. 60–65, 70). Значительная доля отдельных категорий керамических сосудов из юго-восточного Крыма, по мнению ряда исследователей, господствовала на территории Восточной Европы, а следовательно, на большинстве золотоордынских памятников, вплоть до середины XIV в., когда поступление этой продукции резко сокращается. Среди прочего выделяются аптечные амфоры и альбарелло, произведенные в юго-восточном Крыму (например, среди 27 альбарелло, происходящих из нижеволжских столиц, 15 имеют крымское происхождение

Рис. 4. Глазурованная керамика из комплексов второго этапа развития города. Солхат. Караван-сарай. Раскоп XII. СКАЭГЭ–1991. Участок 63. Яма № 3. 14–15 – Фрагменты пиал-полуфабрикатов. СКАЭГЭ–1992. Участок 39. Западная часть. 1–3, 5–6, 9–10 – Фрагменты глазурованных изделий с браком; 4 – фрагмент сепай.

СКАЭГЭ–1992. Участок 39. Гончарная печь № 2; 7–8, 11–13 – Фрагменты изделий-полуфабрикатов.

Fig. 4. Glazed pottery from complexes of the second stage of city development. Solkhat. Caravanserai. Excavation XII. СКАЭГЭ–1991. Site 63. Pit. 3. 14–15 – Fragments of semi-finished pialas. СКАЭГЭ–1992. Site 39. Western part. 1–3, 5–6, 9–10 – Fragments of glazed ware with defects; 4 – tripods fragment. СКАЭГЭ–1992. Site 39. Pottery kiln 2; 7–8, 11–13 – Fragments of semi-finished products.

ние) (Бочаров, Масловский, 2015, с. 189–200; Курочкина, 2012, с. 78–93). В соответствии с опубликованными материалами из фондов Волгоградского областного краеведческого музея, среди находок глазурованной керамики Царевского городища 52,38% импортной керамики было представлено продукцией мастерских юго-восточного Крыма (Юдин, 2015, с. 214–226). Из комплекса случайных находок фондов Саратовского областного краеведче-

ского музея (Увекское городище) среди керамического импорта 33% (91 предмет) – это продукция мастеров юго-восточного Крыма, среди которых, в свою очередь, исследователи определили 40 фрагментов (около 43,95%) сосудов, вероятно, произведенных в Солхате. Впрочем, авторы публикации допускают погрешность в цифрах процентного соотношения, поскольку эта коллекция сформирована из случайных находок (Кубанкин, Маслов-

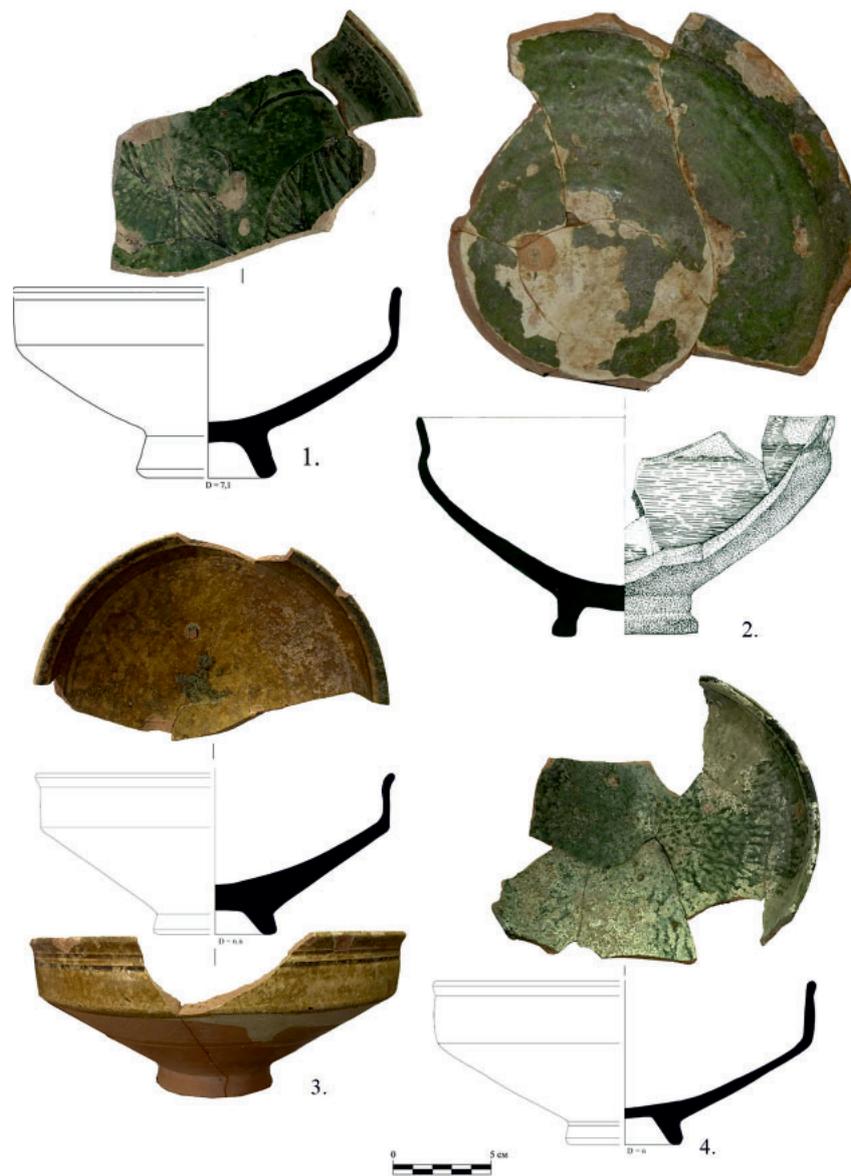

Рис. 5. Глазурованная керамика из комплексов второго этапа развития города. Солхат. 1 – СКАЭГЭ–1998. Раскоп XIX. Кринички-II. Яма 12; 2 – СКАЭГЭ–2013. Медресе-мечеть хана Узбека. Раскоп 39. Шурф 1/13. Яма; 3-4 – СКАЭГЭ–1993. Караван-сарай. Раскоп XII. Участок 50.

Fig. 5. Glazed pottery from complexes of the second stage of city development. Solkhat. 1 – СКАЭГЭ–1998. Excavation XIX. Krinichki-II. Pit 12; 2 – СКАЭГЭ–2013. Madrasah-Mosque of Uzbek Khan. Excavation 39. Test pit 1/13. Pit; 3-4 – СКАЭГЭ–1993. Caravanserai. Excavation XII. Site 50.

ский, 2013, с. 131, 137). Весомым аргументом влияния Крыма на продукцию нижеволжских гончаров, является также стилистика орнаментации продукции последних. Так, исследователи отмечают, что орнамент и производство керамики Нижнего Поволжья в целом формировались под сильным влиянием Закавказья и Крыма, получив дальнейшее развитие (Лисова, 2012, с. 119).

Как видим, керамическая продукция позволяет четко определить направления и уровень внутренних ордынских и внешних (в том

числе трансконтинентальных) торгово-экономических связей золотоордынского Солхата. Во второй половине XIII – начале XV вв. город становится одним из наиболее важных центров в Золотой Орде. Его росту способствовало развитие международной торговли. В глобальном масштабе, в направлении с востока на запад, торговый путь начинался в Китае (столице империи Юань – Ханбалыке (Пекине)) (Золотая Орда..., 2005, с. 89). Золотоордынский отрезок пути начинался с Отрара и продолжался до Куня-Ургенча в Хорезме.

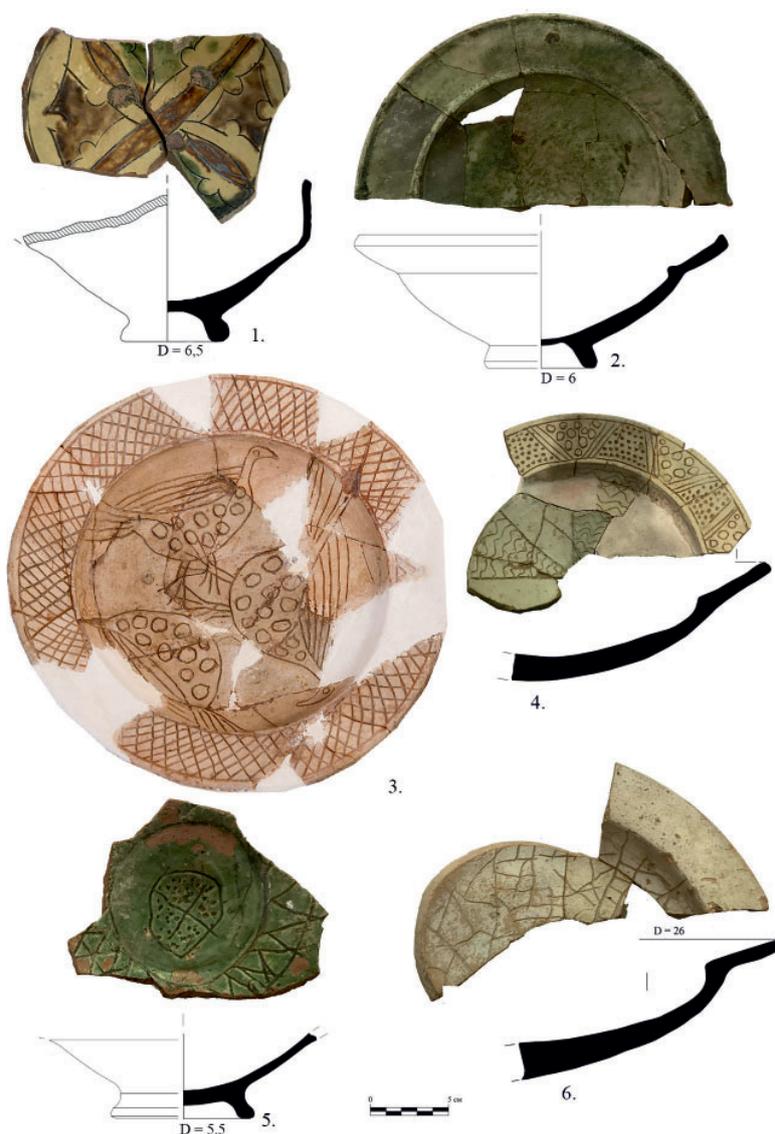

Рис. 6. Глазурованная керамика из комплексов второго этапа развития города. Солхат. 1 – СКАЭГЭ–1998. Кринички-II. Раскоп XIX. Жилище № 1; 2 – СКАЭГЭ–2003. Бокаташ-II. Раскоп XXII. Гончарная печь № 8; 3 – СКАЭГЭ–2004. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Яма № 2; 4 – СКАЭГЭ–2004. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Яма № 2; 5 – СКАЭГЭ–2007. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Гончарная печь 24; 6 – СКАЭГЭ–2004. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Гончарная печь 1.

Fig. 6. Glazed pottery from complexes of the second stage of city development. Solkhat. 1 – СКАЭГЭ–1998. Krinichki-II. Excavation XIX. Dwelling 1; 2 – СКАЭГЭ–2003. Bokataash-II. Excavation XXII. Pottery kiln 8; 3 – СКАЭГЭ–2004. Bokataash-II. Excavation XXIII. Pit 2; 4 – СКАЭГЭ–2004. Bokataash-II. Excavation XXIII. Pit 2; 5 – СКАЭГЭ–2007. Bokataash-II. Excavation XXIII. Pottery kiln 24; 6 – СКАЭГЭ–2004. Bokataash-II. Excavation XXIII. Pottery kiln 1.

От Хорезма дорога шла к Сарайчику и отсюда – к Хаджи-Тархану (Астрахани) в дельте Волги. После Бельджамена, где Волгу и Дон разделяли всего 60 км, транзит следовал в Приазовье до Азака (Таны), откуда степью к Солхату. Отсюда купеческий караван за день доходил до ворот Кафы. Азак и Кафу соединял также морской путь из Азовского в Черное море (Крамаровский, 2012, с. 7–8).

Как и многие золотоордынские городские центры, Солхат к XV в. становится известным среди путешественников из Южной Европы и арабского мира, город посещают, например, испанец Перо Тафур (Крамаровский, 2012, с. 9–10), венецианец Иософат Барбаро (Иософат Барбаро, 1971, с. 45), марокканец Ибн Баттута (Подарок созерцающим..., 2015) и многие другие. Маршруты, по которым

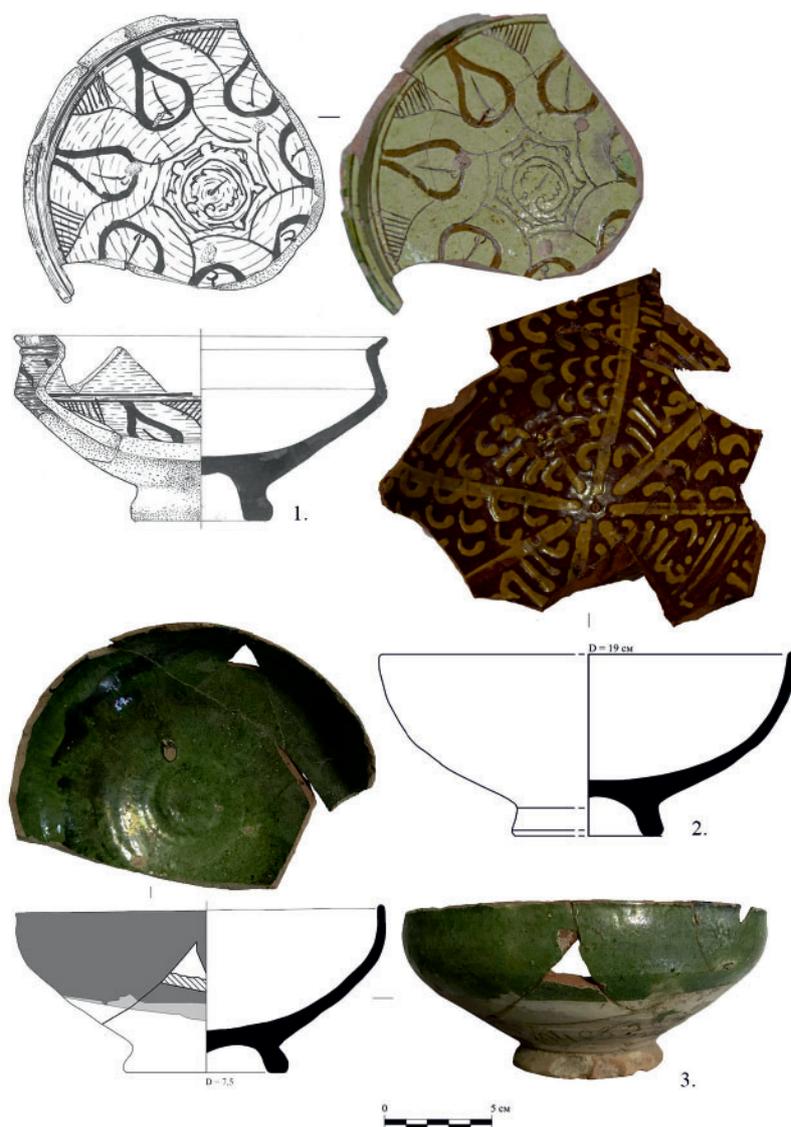

Рис. 7. Глазурованная керамика из комплексов периода общеордынского кризиса. Солхат. 1 – СКАЭГЭ–2016. Раскоп 44. Участок Ж1. Яма № 6; 2 – Средневековая баня–2011. Помещение А. Каменный завал. 3 – СКАЭГЭ–1988. Караван-сарай. Раскоп XII. Квадрат 104. Яма № 1.

Fig. 7. Glazed pottery from complexes of the period of the Horde crisis. Solkhat. 1 – СКАЭГЭ–2016. Excavation 44. Site Ж1. Pit 6; 2 – Medieval bath-house–2011. Room A. Stone blockage. 3 – СКАЭГЭ–1988. Caravanserai. Excavation XII. Grid 104. Pit 1.

ехали эти путешественники связывают город с Византией, Трапезундом, Генуей, Сицилией, Францией, хулагуидским Ираном, сельджуками Малой Азии, Молдавией и другими странами и народами. На это же указывают и найденные за долгие годы раскопок городища многочисленные разнообразные археологические материалы, и керамика занимает среди них ключевое место (Крамаровский, 1989, с. 153). В первую очередь это керамический импорт, который демонстрирует межгосударственные и межконтинентальные связи и роль Солхата на Великом Шелковом пути.

Связи с Китаем прослеживаются по наличию среди находок на городище китайского селадона. Вероятно, эти связи не ослабежали даже после формального выхода Улуса Джучи из политической орбиты Великой Монгольской империи, поскольку находки фрагментов селадоновых чаш встречаются в комплексах всех хронологических этапов развития города. Связи с Западной Европой представлены находками испано-мавританской так называемой люстровой керамики (Сейдалиева, 2020, с. 363). Эти материалы широко представлены в комплексах Солхата

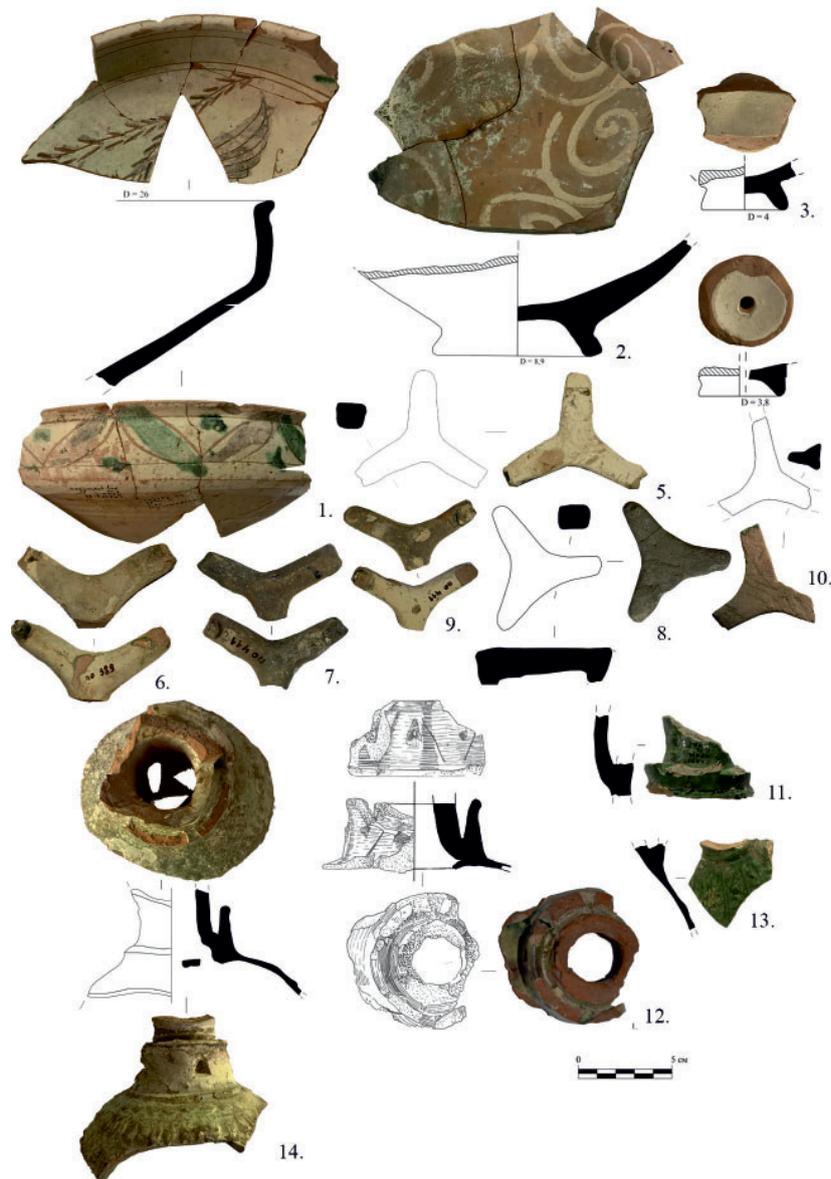

Рис. 8. Солхат. 1 – Фрагмент чаши-полуфабриката. СКАЭГЭ–1998. Кринички-II. Раскоп XIX. Сырцовая вымостка 2; 2 – Фрагмент чаши-полуфабриката. СКАЭГЭ–1999. Кринички-II. Раскоп XX. Землянка; 3–4 – Фрагмент пиалы-полуфабриката и пряслица, сделанного из полуфабриката. СКАЭГЭ–2000. Кринички-II. Раскоп XXI. Квадрат Б7. 5–10 – Сепай. СКАЭГЭ–2013. Медресе-мечеть хана Узбека. Раскоп 39. Помещение 16. 11 – Фрагмент кувшина с подзором. СКАЭГЭ–1999. Кринички-II. Раскоп XX. Квадрат Г2/40; 12 – Фрагмент кувшина с подзором. СКАЭГЭ–2013. Медресе-мечеть Узбека. Раскоп 39. Шурф 1. Яма. № 1; 13–14 – СКАЭГЭ–2023. Шурф 1/23. Яма 1. Заполнение.

Fig. 8. Solkhat. 1 – Fragment of a semi-finished bowl. СКАЭГЭ–1998. Krinichki-II. Excavation XIX. Raw pavement 2; 2 – Fragment of a semi-finished bowl. СКАЭГЭ–1999. Krinichki-II. Excavation XX. Dugout; 3–4 – A fragment of a semi-finished bowl and a spindle whorl made from a semi-finished product. СКАЭГЭ–2000. Krinichki-II. Excavation XXI. Grid B7; 5–10 – Tripods. СКАЭГЭ–2013. Madrasah-Mosque of Uzbek Khan. Excavation 39. Room 16. 11 – Fragment of a jug with edging. СКАЭГЭ–1999. Krinichki-II. Excavation XX. Grid G2/40; 12 – Fragment of a jug with edging. СКАЭГЭ–2013. Madrasah-Mosque of Uzbek Khan. Excavation 39. Test pit 1. Pit 1; 13–14 – СКАЭГЭ–2023. Test pit 1/23. Pit 1. Infill.

XIV – первой четверти XV вв. и отражают торговые связи золотоордынского Крыма с мастерскими Валенсии (Патерна и Манисеса). Вероятно, импорт испанского люстра начинается с середины XIV в., а пик его приходится

на первую половину XV в. Наглядно демонстрирует связь раннего Солхата с Византией группа так называемой керамики византийского круга. Среди ранних археологических комплексов часто встречается так называемая

«зевксипова» керамика, в том числе группы «дериватов». Отметим в данном контексте, что среди находок на караван-сараяе встречены полуфабрикаты, вероятно, подражающие византийской керамике, но покрытые зеленой глазурью (Сейдалиева, 2020, с. 365). Датируется керамика византийского круга на городище второй половиной XIII – серединой XIV вв.

Вторым направлением торгово-экономических отношений является внутренняя торговля Улуса Джучи. Помимо уже упомянутых выше находок солхатской продукции на других синхронных памятниках Золотой Орды и средневековой Руси, на территории самого Солхатского городища выделяются поволжские и северокавказские материалы, например кашинные чаши. В незначительном количестве присутствует на городище и продукция группы «Юго-Западный Крым» (ЮЗК), вероятно, произведенная в Алустоне, Чембало, Фуне и, возможно, на Мангупе (Сейдалиева, 2020, с. 367).

Характерной чертой искусства всего мусульманского мира XIII–XIV вв. был синтез архитектуры и декоративного искусства. В этом проявляется особый стиль эпохи, архитектурные формы наполняются пластическим и декоративным богатством. С одной стороны, такой отправной точкой мог стать Хорезм, из которого через города Поволжья и Азак импортная глазурованная посуда попадала в Крым. В то же время наличие среди произведенных в Солхате кувшинов изделий с фильтром в месте соединения горла и тулова, может свидетельствовать о проникновении такого рода посуды из Египта, Сирии или Ирана. И если в отношении Поволжских центров Н.М. Булатов (Булатов, 1969, с. 46–59) говорил, что золотоордынская керамика производилась мастерами, вывезенными из Ирана, Кавказа и Крыма, то в отношении произведенной в Крыму продукции можно говорить о переселявшихся из Малой Азии (а может быть, Среднего Востока или Северной Африки) мастерах, которых привлекала возможность получения стабильного заказа в золотоордынском Крыму (Крамаровский, 2012, с. 162).

Крымский полуостров оказался местом сосредоточения носителей различных культурных традиций, что способствовало формированию на его территории специфической

материальной культуры. Предметы искусства, привозимые из Египта, Ирана, Китая, Средней Азии, Кавказа, проникают в быт населения. Керамика, завезенная на полуостров из различных областей, послужила толчком для развития местной продукции, что выразилось в заимствовании декоративных элементов, орнаментов, техник изготовления.

В основе развития керамических изделий Солхата лежат традиции, которые условно можно разделить на три ветви: византийская, малоазийская и закавказская. Об этом свидетельствуют схожие морфологические и орнаментальные мотивы. Но прямого подражания не наблюдается. Солхатские мастера-ремесленники перенимали то, что импонировало их художественному вкусу и по-своему усовершенствовали свой стиль (рис. 9: 1–11).

Одним из ярчайших направлений связей для Солхата является малоазийская, или «сельджукская» линия. Аспекты, связанные с приходом сельджукской культурной парадигмы в Солхат, неоднократно анализировались в литературе и отражаются в распространении как духовной, так и материальной составляющей – архитектуры, торевтики, эпиграфики и, конечно, керамики. Сельджукский стиль получил отражение в солхатской керамике в виде сюжетных композиций декора. Это изображения человеческих фигур, фантастических животных, птиц, кошачьих хищников, растительности (ветви и кусты, деревья, плоды и цветы) и подобных стилизованных мотивов (рис. 9: 1–6). Впервые проявляются эти элементы на керамике во второй четверти XIV в. Как справедливо отмечает М.Г. Крамаровский, ближайшие аналогии этим орнаментальным мотивам встречаются в керамике сельджукской Анатолии (Крамаровский, 2012, с. 197–198; Тесленко, 2018, с. 57).

В конце XIII – XIV вв. в Крыму получает развитие производство местной оригинальной и самобытной красноглиняной поливной керамики, которая, с одной стороны, продолжала традиции византийского круга, а с другой – находилась под сильным влиянием культур Востока (керамического ремесла Золотой Орды) и Запада (товаров, в том числе и керамических изделий, из городов Северной Италии и Испании) (рис. 4: 1–2, 5–6; 9: 7–11).

Сосуды, произведенные в Солхате, отличаются богатством и разнообразием орнамента-

Рис. 9. Солхат. 1–6; 9 – СКАЭГЭ–2023. Шурф 1/23. Яма 1. Заполнение; 7 – СКАЭГЭ–1992. Участок 39. Гончарная печь № 2; 8 – СКАЭГЭ–1994. Караван-сарай. Раскоп XII. Участок 50. Засыпь; 10–11 – СКАЭГЭ–2004. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Гончарная печь 1.

Fig. 9. Solkhat. 1–6; 9 – СКАЭГЭ–2023. Test pit 1/23. Pit 1. Infill; 7 – СКАЭГЭ–1992. Site 39. Pottery kiln No. 2; 8 – СКАЭГЭ – 1994. Caravanserai. Excavation XII. Site 50. Infill; 10–11 – СКАЭГЭ – 2004. Bokataash-II. Excavation XXIII. Pottery kiln 1.

ции. Чаще всего орнаменты геометрические и растительные. Для геометрических орнаментов характерна симметричность и точное выполнение отдельных деталей. Некоторые исследователи предполагают, что это связано с высоким уровнем развития архитектуры и художественной культуры (Джидди, 1981, с. 214).

На солхатских поливных сосудах редко встречаются антропоморфные изображения. Это было связано с запретом в исламе изображать человека (Ибрагимов, 2000, с. 95). Но также стоит отметить, что на сельском посе-

лении южной окраины Солхата (Бокаташ II) в орнаментации керамических изделий встречаются зооморфные и антропоморфные мотивы. Это, вероятнее всего, связано с тем, что жители ремесленного поселения исповедовали христианство, а также, отчасти, с особенностями тюркской модели ислама, распространенной в Улусе Джучи. Оригинальные геометрические мотивы, самобытный стиль изображения птиц, рыб и других животных (львов, жирафов (?), мифических существ и др.) не находят прямых или хотя бы приблизительных аналогий среди опубли-

кованных материалов из других гончарных центров. Отдаленные ассоциации вызывают керамические сосуды из ремесленных мастерских Средней Азии, где также встречается манера заполнения изделий кружками и точками (Башимова, 1989, с. 42–43, 47, 52).

Ранняя продукция Солхата начала XIV в. особо не отличалась по набору форм и технологических признаков: горла кувшинов широкие, поддоны низкие, сечение ручек характерно для керамики на всей территории Золотой Орды, поверхность покрывалась белым ангобом, что прослеживается вплоть до первой половины XV в., орнаменты на ранних этапах производства предельно просты. С развитием производства продукции в Солхате все более намечается тенденция подражания местным мастерам византийским и малоазийским в нанесении орнаментальных мотивов на сосуды.

В середине – конце XIV в. прослеживается значительное расширение ассортимента глазурованной керамики Солхатского городища – орнамент становится более аккуратным и утонченным, цвета покрытия разнообразнее, исполнение тщательнее. Со временем в Солхате освоили и эпиграфический орнамент, хотя шрифты сохранили изрядную долю стилизации.

Таким образом, можно сделать вывод, что среди вещественных материалов, характеризующих золотоордынскую культуру, керамика с глазурованным покрытием – дополнительный источник для воссоздания картины быта и культуры населения в период Золотой Орды. Изготовление поливной посуды в Крымском улусе Золотой Орды – одна из отраслей ремесла, в котором наиболее ярко отразились слож-

ные этнополитические и демографические процессы этого периода. Само ее появление во многом связано с переселением в Крым различных носителей новых для полуострова гончарных технологий (Тесленко, 2020, с. 154).

Современный этап изучения золотоордынской культуры показывает, что она начала формироваться во второй половине XIII в. в результате смешения местных восточноевропейских и центральноазиатских традиций. Под влиянием государства Джучидов формируется новая имперская надэтническая культура, которая являлась культурой татарской этносоциальной общности. Внутри этой культуры выделяется несколько локально-региональных (крымская, болгарская, хорезмская и др.) и социальных (городская, кочевническая) субкультур (История татар..., 2009, с. 62). В то же время в гончарном ремесле прослеживается влияние как кочевнических традиций, так и городских. При этом и в первом, и во втором случаях их региональное происхождение различно. Традиции византийских, сельджукских, иранских, центральноазиатских, кавказских ремесленников накладываются на местную самобытную культуру, что хорошо прослеживается в таком массовом материале, как керамические изделия. Как видим, роль солхатских ремесленных мастерских в распространении и транзите культурных традиций велика. Вероятно, именно продукция крымских гончаров (как, например, это справедливо отмечает М.Г. Крамаровский для «сельджукской» керамики) повлияла на производство керамических изделий других производственных центров Улуса Джучи, в том числе столичного Сарая (Крамаровский, 2012, с. 198).

ЛИТЕРАТУРА

- Башимова Н.С.* Поливная керамика Южного Туркменистана (IX–XIV вв.). Ашхабад: Ылым, 1989. 224 с.
- Бочаров С.Г., Масловский А.Н.* Наиболее массовые типы поливных импортов крымского производства и некоторые вопросы торговли в Восточной Европе в XIV в. // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 189–200.
- Булатов Н.М.* К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах // Вестник МГУ. 1969. № 2. С. 46–59.
- Джидди Г.А.* Первые результаты археологических раскопок города Шемахи. Баку, 1981. 214 с.
- Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2005. 264 с.
- Ибрагимов Б.И.* Средневековый город Киран. Баку; М., 2000. 176 с.
- Иосафат Барбаро.* Путешествие в Тану. М., Наука, 1971. Доступно по: <http://vostlit.narod.ru/Texts/rus9/Barbaro/text.htm>. (дата обращения: 05.02.2021).

История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. 1056 с.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 269 с.

Козырь И.А., Боровик Т.Д. Поливная керамика Торговицкого археологического комплекса периода Золотой Орды // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X–XVIII вв. Т. 2 / Под ред. С.Г. Бочарова, В. Франсуа, А.Г. Ситдикова. Казань; Кишинев: Stratum Plus, 2017. С. 335–352.

Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV в.). Киев: Наукова думка, 1986. 186 с.

Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа / Отв. ред. Г.И. Смирнова. Л.: Государственный Эрмитаж, 1989. С. 141–157.

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 2008 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Старый Крым – СПб, 2009. 265 с. // Архив отдела Востока Государственного Эрмитажа

Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб: Евразия, 2012. 496 с.

Кубанкин Д.А., Масловский А.Н. Предметы импорта с Увекского городища (случайные находки из фондов Саратовского областного музея краеведения) // Поволжская археология. 2013. № 4 (6). С. 130–154.

Курочкина С.А. Альбарелло нижеволжских столиц Улуса Джучи // Поволжская археология. 2012. № 1 (1). С. 78–93.

Лисова Н.Ф. Орнамент посуды поливной золотоордынских городов Нижнего Поволжья / Археология евразийских степей. Вып. 15. Казань: ИИ АН РТ, 2012. 184 с.

Майко В.В. Керамика с монограммами средневековой Солдайи. Типология, хронология и место производства // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2019. Вып. XXIV. С. 288–311.

Подарок созерцающим. Странствия Ибн Баттуты: каталог выставки / Ред. А. Д. Притула, А. Н. Теплякова, О. М. Ястребова СПб.: ГЭ, 2015. 512 с.

Полубояринова М.Д. Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля / отв. ред. П. Н. Старостин. М.: Наука, 2008. С. 26–102.

Сейдалиева Д.Э. Импортная глазурованная керамика золотоордынского периода из раскопок Солхатского городища и ближайшей округи (по материалам исследований 1978–2019 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2020. Вып. XXV. С. 359–390.

Тесленко И.Б. Виробництво полив'яного посуду в Криму за часів Улуг Улусу // Археологія і давня історія України. 2018. Вип. 4 (29). С. 7–83.

Тесленко И.Б. Керамические маркеры миграций в Крыму последней трети XIII–XIV вв. (по материалам местного гончарства) // Stratum Plus. 2020. № 6. С. 153–178.

Юдин Н.И. Поливная керамика производства юго-восточного Крыма из раскопок Царевского городища // Поволжская археология. 2015. № 3 (13). С. 214–226.

Информация об авторе:

Сейдалиева Джемиле Эльвировна, младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь, Россия); djemka65@gmail.com

REFERENCES

Bashimova, N. S. 1989. *Polivnaya keramika Yuzhnogo Turkmenistana (IX–XIV vv.) (Glazed pottery of South Turkmenistan (IX–XIV centuries))*. Ashkhabad: “Ylym” Publ. (in Russian).

Bocharov, S. G., Maslovskii, A. N. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 14 (4), 189–200 (in Russian).

Bulatov, N. M. 1969. In *Vestnik MGU. Ser. 8, Istoriia (Bulletin of Moscow University. Series 8. History)* 2, 46–59 (in Russian).

Dzhiddi, G. A. 1981 *Pervye rezul'taty arkheologicheskikh raskopok goroda Shemakhi (The first results of archaeological excavations in the city of Shamakhi)*. Baku (in Russian).

2005. *Zolotaia Orda. Istoriia i kul'tura. Katalog vystavki (The Golden Horde. History and Culture. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ. (in Russian).

Ibragimov, B. I. 2000. *Srednevekovyy gorod Kiran (Medieval city of Kiran)*. Baku; Moscow (in Russian).

Iosafat Barbaro. 1971. *Puteshestvie v Tanu (Travel to Tana)*. Moscow: "Nauka" Publ., 1971. Available at: <http://vostlit.narod.ru/Texts/rus9/Barbaro/text.htm>. (accessed: 05.02.2021).

Usmanov, M. A. (ed.). 2009. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII – seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Koval', V. Yu. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. IX–XVII veka (Oriental Ceramics in Rus' in 9th–17th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kozyr, I. A., Borovik, T. D. 2017. In Bocharov, S. G., Francois, V., Sitdikov, A. G. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea in 10th-18th Centuries)*. Kazan; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 335–352 (in Russian).

Kravchenko, A. A. 1986. *Srednevekovyi Belgorod na Dnestre (konets XIII–XIV v.) (Medieval Belgorod on the Dniester (Late 13th – 14th cc.))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 1989. In Smirnova, G. I. (ed.). *Itogi rabot arkheologicheskikh ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha (Results of Activities by the Archaeological Expeditions of the State Hermitage)*. Leningrad: State Hermitage Museum, 141–157 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2009. *Otchet o polevykh issledovaniyakh 2008 g. na gorodishche Solkhata (Krym) arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha (Report on field research in 2008 on Solkhata (Krym) by the archaeological expedition of the State Hermitage)*. Staryy Krym; Leningrad. Archive of the Oriental Department of the State Hermitage Museum (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2012. *Chelovek srednevekovoy ulitsy. Zolotaya Orda. Vizantiya. Italiya (Man from Medieval Streets. The Golden Horde. Byzantium. Italy)*. Saint Petersburg: "Evraziya" Publ. (in Russian).

Kubankin, D. A., Maslovskii, A. N. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 6 (4), 130–154 (in Russian).

Kurochkina, S. A. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 1 (1), 78–93 (in Russian).

Lisova, N. F. 2012. *Ornament posudy polivnoi zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ia (Ornament of glazed dishes from the Golden Horde cities of the Lower Volga region)*. Series: *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 15. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Maiko, V. V. 2019. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XXIV, 288–311 (in Russian).

Pritula, A. D., Teplyakova, A. N., Yastrebova, O. M. (eds.). 2015. *Podarok sozertsaiushchim. Stranstviia Ibn Battuty: katalog vystavki. Gosudarstvennyi Ermitazh (A Gift to Contemplators". Ibn Battuta's Travels: Exhibition catalog. The State Hermitage Museum)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Publ. (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 2008. In Starostin, P. N. (ed.). *Gorod Bolgar. Kul'tura, iskusstvo, trgovlia (City of Bolgar. Culture, Art, Trade)*. Moscow: "Nauka" Publ., 26–102 (in Russian).

Seidalieva, D. E. 2020. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XXV, 359–390 (in Russian).

Teslenko, I. B. 2018. In *Arkheologiiia i davnia istoriia Ukraïni (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 29 (4), 7–83 (in Ukrainian).

Teslenko, I. B. 2020. In *Stratum Plus* 6, 153–178 (in Russian).

Yudin, N. I. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 13 (3), 214–226 (in Russian).

About the Author:

Seidalieva Dzhamile. E. V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Vernadskogo Pr., 4, Simferopol, 295007, Crimea, Russian Federation; djemka65@gmail.com

